О КОМПОЗИЦИИ „ПУТЕШЕСТВИЯ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ“ А. Н. РАДИЩЕВА

Г. П. Макогоненко

1

Пушкин был первым, нарушившим заговор молчания о запрещенном писателе-революционере — Ал. Ник. Радищеве. Начиная с 1815 г., молодой поэт с нескрываемым восхищением вносит имя Радищева в свои стихи («Бова», «Послание к цензору»), в дальнейшем требует от Бестужева сохранения памяти Радищева, связывает свое творчество с творчеством автора «Путешествия из Петербурга в Москву», воспевшего свободу (вариант 4-й строфы: «Я памятник себе воздвиг нерукотворный»). В последние годы своей жизни Пушкин продолжает заниматься Радищевым, изучает его, собирает материалы о нем и, наконец, в 1833—1835 гг. начинает «Путешествие из Москвы в Петербург», а в 1836 г. пишет биографическую статью «Александр Радищев». Последние работы зрелого поэта наиболее полно осветили вопрос о запрещенном авторе знаменитого «Путешествия», дав оценку как идейных позиций, так и литературно-художественной значимости его прозы и стихов. Попытка Пушкина заговорить вслух о Радищеве не увенчалась успехом. Ни «Путешествие из Москвы в Петербург», ни «Александр Радищев» не были напечатаны при жизни поэта.

Систематическое изучение Радищева началось лишь с революции 1905—1907 гг., когда был, наконец, снят запрет с писателя-революционера.

Это был период либерально-буржуазной интерпретации, причесывания, «приятия» Радищева в лоно русского либерализма.

Милюков, провозглашая Радищева предтечей российского либерализма, причислил его к лику советников императрицы слева, а «Путешествие» считал обращенным не к общественному мнению, а к «философу на престоле». Для Павлова-Сильванского Радищев — воспитанник екатерининского «Наказа», а «преступление» Радищева — в несвоевременном напоминании о тех же идеях, которые высказала на 24 года раньше Радищева сама императрица в «Наказе». Так постепенно затемнялось понимание революционного содержания «Путешествия», а облик самого писателя-борца, теряя свои демократические, антикрепостнические черты, выступал в либеральных одеждах, в одном ряду с Новиковым. Радищева изображали «одиночкой», вне всякого реального социального окружения, оторванного от русской действительности. Такова в основном оценка у всех исследователей второго периода изучения Радищева.